

**ПОМИНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
К ВОПРОСУ О «НОВОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОБРЯДНОСТИ» В БССР
COMMEMORATIVE PRACTICES IN PUBLIC SPACE:
SOVIET CIVIL CEREMONIAL RITES IN SOVIET BELARUS**

Глазко Анастасия Николаевна,
Минск, Беларусь

Ключевые слова: поминальные практики, новая общественная обрядность, День памяти умерших, советская обрядность, мемориализация.

Резюме. В 1960-ые гг. на территории БССР началась вторая волна распространения «Новой общественной обрядности», в рамках которой происходила и трансформация похоронно-поминальных практик. Была предпринята попытка создать единый День памяти умерших, который заменил бы общие поминальные дни народного календаря. Обрядовые действия, осуществляемые во время гражданских поминок, не были строго регламентированы, а сам День памяти иногда не имел привязки к конкретной дате. Единственной повсеместной характеристикой данного праздника являлась предельная торжественность и публичность. Постепенно обряды Дня памяти умерших были встроены в структуру мемориальных практик Парада победы, который имел намного больший символический капитал. Поминальная обрядность 9 мая и ее атрибуты перешли в категорию советского «священного», что обусловило их устойчивость во времени.

Keywords: commemorative practices, soviet civil ceremonial rites, day of remembrance of the dead, soviet rites, memorialization.

Summary. The second wave of Soviet civil ceremonial rites in BSSR has been devised during 60s. Funeral and commemorative practices were also transformed. Soviet Day of remembrance of the dead was created as an alternative practice which would replace traditional commemorative rites. Ceremonies established during the new Day of remembrance had not been regulated. Moreover, there was no specific date for the new commemorative day in some areas. The solemnity and public nature were the only ubiquitous attributes of this day. Gradually, the rites of the Day of remembrance of the dead were built into the memorial practices of the Parade, which has a much greater symbolic capital. The funeral rituals of May 9 and its attributes passed into the category of the Soviet "sacred", which led to their stability in time.

В 1960-ые годы на территории БССР началась вторая волна распространения «Новой общественной обрядности». Изменения, осуществляемые в обрядовой сфере, касались и похоронно-поминальных практик. В ряде брошюр, посвященных коммунистическому воспитанию и пропаганде новых обрядов, упоминалось, что «нельзя отдавать горюющих людей во власть религии. Надо чтобы общественность

республики взяла под контроль эти «дни поминания», «родительские дни» и превратила их в гражданские церемонии» [1]. Несмотря на установку о необходимости государственного контроля похорон и поминок, они подверглись наименьшим изменениям. В 1960-ые гг. отдельные составляющие похоронно-поминальных практик, например традиция гражданской панихиды, описывались как наименее разработанные из всех новых общественных обрядов [2].

В начале 1960-ых гг. Обществами по распространению политических и научных знаний была предпринята попытка создать День памяти умерших, который должен был заменить общие поминальные дни, осуществляемые населением на протяжении года. Общесоветские рекомендации по подготовке ко Дню памяти умерших включали в себя работы по благоустройству территорий кладбищ и зеленых зон, примыкающих к мемориалам: прополку могильных участков, расчистку дорожек, высадку деревьев. Могилы солдат, как указывалось в инструкции, должны быть убраны особо тщательно [2]. В руководствах по «укоренению новой обрядности», издаваемых на белорусском языке, указывалось, что данные действия должны производить близкие и члены семьи умерших солдат. В русскоязычных брошюрах подобная конкретика отсутствует – планы работ на День памяти умерших отправлялись во все организации и на предприятия, находившиеся в населенном пункте. Контроль над выполнением работ осуществлял Исполнительный комитет.

Обрядовые действия, осуществляемые непосредственно в день гражданских поминок, не были строго регламентированы. Сценарий Дня памяти умерших подразумевал митинг и возложение цветов, но их порядок в ряде случаев менялся местами: «На могилы кладут венки, цветы. После этого все собираются у братской могилы на митинг» [2]. Во второй половине 1960-ых гг. после митинга и возложения цветов могли устраиваться концерты, затем зажигались «партизанские костры», у которых проходила поминальная трапеза [3].

В большинстве случаев поминание начиналось с траурного митинга. Одной из задач данного обряда являлась «преемственность памяти», о чем может свидетельствовать структура процессии: в первых рядах шествия были расположены школьники, которые первыми оставляли цветы и венки на могилах солдат и партизан. Взрослые участники шествия находились за детьми.

«[Митинг] открывал, как правило, председатель исполкома местного Совета. В своем выступлении он говорил о славных делах рабочих, хлеборобов, воинов, людей других профессий – патриотов Советской Родины, похороненных на данном кладбище. С коротким словом выступали еще два-три человека. После каждого выступления хор или оркестр исполнял траурную мелодию» [4].

Несмотря на сходство обрядности коллективного Дня памяти умерших и не настолько массового обряда гражданской панихиды, для описания первого использовались крайне торжественные метафоры. Гражданское поминовение на День памяти умерших описывалось как имеющее «характер триумфа над поверженным врагом и увековечивания тех, кто погиб за свою великую Родину» [2]. Речи, произносимые во время гражданской панихиды, для сравнения, имели следующее содержание: «Мы пришли не на свидание с загробным миром и знаем, что нет никакой иной жизни, нет рая на небе. Но мы знаем, что есть бессмертие человеческого рода и человеческого труда на земле. В этих могилах покоятся люди, без которых не было бы той жизни, что радует сегодня нас, наших детей, внуков и

последующие поколения» [2]. В обоих случаях коллективное благополучие обеспечивалось «бессмертием дел» советского человека. Ко дню гражданской панихиды могли издавать руководства с описаниями программы церемонии, текстами народных и революционных песен – не исполняющиеся во время обряда – а также перечнем имен умерших за прошедший год.

Торжественность и публичность Дня памяти умерших заключалась не только в присутствии на могилах посторонних людей и представителей власти. Во время обрядовых действий, производимых на кладбище, могла осуществляться запись происходящего для последующей трансляции по радио и телевидению, а также публикаций в газетах.

Как и в случае с иными гражданскими обрядами и праздниками, дата новых поминальных дней выбиралась максимально приближенной к тому периоду, в рамках которого существовал его народный аналог или замещаемый праздник. В частности, на территории Шулятинского сельсовета Россонского района Витебской области День памяти умерших отмечался в первый день Сёмухи. Это можно объяснить тем, что в северной части Витебской области были распространены Троицкие поминальные обряды, которые не характерны для более южных территорий Подвинья [5]. Локальный День памяти умерших проходил на военном кладбище в д. Малютино, где собиралось несколько сотен человек для проведения поминок без «попов и религиозных церемоний» [3]. Белорусский этнограф В. Иванов, упоминая о целесообразности формирования гражданского дня памяти мертвых, обозначил, что «поминание является старинной народной традицией, во время поминок, празднования «родительского дня» вспоминаются хорошие дела усопших» [3].

«Подстраивание» новой обрядности под народный календарный цикл происходило и на территории других советских республик: значительная часть латышских поминальных обрядов XIX – начала XX вв. осуществлялась в летний период, например, в первое или второе воскресенье августа [6]. В Латвийской ССР День памяти умерших проходил 14 августа, что соотносится с вышеуказанными датами [3].

Новые гражданские обряды также могли быть приурочены не к дням народного календаря, а к государственным праздникам. 9 мая было наиболее подходящей датой для связи с государственным Днем поминания умерших на территории БССР. Необходимость введения подобного памятного дня обсуждалась в газетах «Известия», «Звезда» и «Знамя юности», но конкретная дата – 8 мая – была предложена членами Академии наук БССР [3].

Отдельный День памяти умерших все же не стал повсеместной практикой и не имел долгосрочный характер. Большее распространение получили общественные мемориальные акции, проводимые непосредственно 9-го мая. В частности, традиция ежегодного поминания советских солдат и партизан, погибших во время Второй мировой войны, была встроена в структуру парада Победы, который начал регулярно проводиться с 1965 г. и сохранился до настоящего времени.

Парад победы и связанные с ним мероприятия имели больший символический капитал, чем День памяти умерших солдат. Образы бессмертия превалировали над мотивами, связанными со смертью. В 1960-ые гг. на территории БССР появляется значительное количество военных памятников, в которых отображались героические, а не трагические стороны Второй мировой войны. У обелиска на

Площади Победы был зажжен вечный огонь – символ «бессмертной памяти» о солдатах и партизанах. В 1969 г. на крышах зданий, расположенных по обе стороны от обелиска, появилась надпись «Подвиг народа бессмертен» [7].

Поминальные практики, осуществляемые 9 мая на территории СССР, подразумевали упоминание или присутствие солдат иных государств – память о Второй мировой войне была транснациональной. В частности, на территории БССР проводились мемориальные мероприятия с участием жителей Белостокского воеводства и солдат Войска Польского [8]. Церемония, проводимая у могил советских солдат, также осуществлялась совместно. Текст, предшествующий первой «Минуте молчания памяти павших», которая транслировалась по советскому радио и телевидению в 1965 г., включал следующий отрывок: «Свято чтим мы память поляков, чехов, словаков, югославов, венгров, албанцев, болгар, румын; Мы помним солдат Англии, Америки, Франции; Мы чтим память бойцов сопротивления, антифашистов, погибших в борьбе с гитлеровской Германией, ...» [9].

Параллельно с появлением минуты молчания, которая описывалась как «первая советская молитва», атрибутом публичных поминальных акций стала «торжественная тишина» – молчание становилось коммуникативным актом [10]. Торжественные действия, осуществляемые у военных мемориалов, оказались связаны с категорией советского «священного»: «Переживать священное предписано там, где манифестированы общие ценности: у могилы Неизвестного солдата, у вечных огней (на мемориальных площадках) и тогда, когда ты свою приверженность им подтверждаешь, принося воинскую присягу или пионерскую клятву «перед лицом своих товарищей» [11].

Функционал мемориалов, связанных со Второй мировой войной, действительно был расширен: они использовались в пространстве советского города и деревни не только во время поминальных акций. Рядом с памятниками осуществлялся прием в «ряды юных ленинцев», вручение комсомольских билетов, проходили прочие общественные мероприятия [2].

Таким образом, в рамках «Новой обрядности» 1960-ых гг. оформилась советская, но одновременно с этим и «священная» традиция ежегодного поминания солдат и партизан, сохранившая до настоящего времени. Публичные поминальные практики, связанные со Второй мировой войной, наполнялись торжественными образами и религиозными смыслами. Это во многом соответствует их сегодняшнему содержанию, а также обуславливает их ценность для руководства постсоветской Беларуси, так как современная белорусская государственность напрямую связана с культурными кодами советской эпохи.

Литература

1. Брянов, В.А. Новые традиции и праздники / В.А. Брянов; редкол.: О. Меркулов (отв. ред.) [и др.]. – Алма-Ата: Газетно-журнальное издательство при ЦК КП Казахстана, 1962. – 50 с. – (Серия «Коммунистическое воспитание молодежи»; № 3).
2. Иванов, В. Н. Жизнь рождает новые обряды / В. Иванов. – Минск: Беларусь, 1964. – 188 с.
3. Залескі, А. І. Новыя звычаі і абрады – у наш быт. / А. І. Залескі, Ул. М. – Мінск: Таварыства па распаўсюджванню палітычных і навуковых ведаў Беларускай ССР, 1960. – 50 с. – (Серія «Брашуры па ўсяляк. пыт. гіст,

- эканом. прамысл. і сельс. гасп., тэхн., педаг., камуніст. выхав., атэіз., літ. і мастац.»; № 14–15).
4. Якушин, С. Б. Обряд «Похороны» в СССР [Электронный ресурс] / С. Б. Якушин // Журн. Похорон. дом: Похоронный портал. – Режим доступа: <https://funeralportal.ru/library/1541/4830.html>. – Дата доступа: 18.05.2021.
 5. Овсейчик, В. Е. Особенности современной поминальной обрядности белорусов Подвинья / В. Е. Овсейчик // Антропологический форум. – 2019. – № 41. – С. 123–144.
 6. Рыжакова, С.И. Кладбищенский праздник (Кару svētki) у латышей: история, обычаи, контекст бытования/ С. И. Рыжакова // Антропологический форум. – 2013. – № 18. – С. 188–212.
 7. Ластовский, А. Идеологическая архитектура Дня Победы: Минск-2013 [Электронный ресурс] / А. Ластовский // Урок истории: Международный мемориал. – Режим доступа: <https://urokiistorii.ru/article/56879>. – Дата доступа: 18.05.2021.
 8. План проведения митинга трудящихся Гродненской области и Белостокского воеводства [Электронный ресурс] // Государственный архив общественных объединений Гродненской области (ГАООГо). – Ф.1. Оп.1 Д.954. Л. 56-67. – Режим доступа: https://just-grodno.gov.by/upload/medialibrary/745/fayl-24GAOOG_1_1_954_56_57_Stranitsa_1.jpg. – Дата доступа: 18.05.2021.
 9. Минута молчания. Памяти павших за свободу нашей Родины в годы Великой Отечественной войны (1965 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?time_continue=5&v=N72XV7RLEis&feature=emb_logo. – Дата доступа: 18.05.2021.
 10. Локалов, А. Тележурналист Ирана Казакова: Мы написали первую советскую молитву [Электронный ресурс] / А. Локалов // Научная электронная библиотека. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42743943>. – Дата доступа: 18.05.2021.
 11. Метафизика повседневности и священное // Первичные знаки. Назначенная реальность / С. Б. Адоньева [и др.]. – СПб.: Пропповский центр, 2017. – Гл. 2. – С. 171–192.